

**ВАНЬКА
(быль)**

В этом году в наш дом в очередной раз пришла радость. У нашей младшенькой доченьки Иры родилась долгожданная внученька Катюша. Этот ясный, божественный лучик осветил нашу суетливую жизнь и принёс душевный покой и счастье в наш дом.

В настоящее время все мы крутимся вместе со Вселенной вокруг этого чистого и невинного создания. У нас с женой уже две внучки — Наденька и Катенька, которых мы очень любим и верим, что они вырастут хорошими и достойными людьми.

А наша Катенька растёт. Уже реагирует на ласковые слова своей восхитительной улыбкой, согревая наши сердца, и уже узнает нас.

Мы делаем всё от нас зависящее, чтобы она была здорова и ей было комфортно в этом мире: соблюдаем оптимальную температуру воздуха в комнате и воды при её купании. Несколько раз в сутки меняем ей памперсы. Ира кормит её по часам, соблюдая диету, предписанную врачами.

Дай, Бог, чтобы Катюша и Надюша были здоровы и счастливы!

Нося нашего ангелочка на руках, когда у неё болит животик, моя беспокойная память вновь уносит меня в далёкие 70-е годы прошлого века, в пору моей юности, ненасытной жажды жизни и страсти к путешествиям по неизведанной тайге.

... В то время я учился в Иркутском сельскохозяйственном институте на факультете охотоведения. После второго курса у нас была четырёхмесячная осенняя производственная практика, которую мы должны были пройти в охотхозяйствах Советского союза. Я очень соскучился по своим родным и любимой тайге и списался со своим братом Михаилом, чтобы он от имени райпотребсоюза «Холбос» отправил на факультет вызов, который я вскоре и получил.

Радости моей не было предела. Приехав в родной Олёкминск, где жила моя дорогая мама и сестра Тамара, мы с Михаилом стали собираться на промысел соболя. Мой брат в то время работал в «Холбосе» заместителем председателя по заготовкам пушнины, мяса, рыбы, ягод, грибов и других дикоросов.

Хлопотливая должность, но Михаил с ней успешно справлялся. В душе он был страстным охотником и рыбаком, видимо пошёл в своего

дедушку, в маминого отца, илимского казака Ивана Ефимовича Слободчиков, на которого по словам мамы он очень был похож.

Без тайги, природы и охоты Михаил не мыслил своей жизни.

На выдавшей виды дюралевой лодке, которую надрывно тянул старенький, советского производства, мотор «Вихрь-25», мы завезли в верховья реки Олёкмы продукты и наше снаряжение.

Бивуак разбили в устье реки Крестях, впадающей в Олёкму и знаменитую своими древними писаницами первобытных людей на крутых прибрежных скалах. На вершине одинокой гранитной скалы сохранился деревянный крест, оставленный казаками-первопроходцами, проходившими по этим местам в XVII веке.

Эти красивейшие места были свидетелями прохода на стругах казачьих ватаг атаманов Пояркова и Хабарова, по пути на реку Амур. Здесь же по Олёкме, наш родственник «тобольского города казачишка Богдан Кузьмин Габышев», который был помощником Ерофея Хабарова, в 1650 году с тремя казаками спешил в Якутск к воеводе Францбекову за помощью, так как маньчжуры осадили крепость Албазин, где укрылись казаки во главе с Хабаровым. Их положение было критическим.

Воевода спешно направил на выручку Хабарову 30 служивых и 107 промышленных охочих людей. Маньчжуры, прослышав о подходящей подмоге, спешно отошли от крепости. Крепость и жизни казаков были спасены.

Так Земля Амурская навеки вошла в состав российского государства.

Хвала и Слава нашим храбрым и отчаянным якутским казакам!

Природа в верховьях Олёкмы была и пока остаётся первозданной, нетронутой цивилизацией. Это родовые охотничьи уголья таёжных оленных эвенков-тунгусов древнего Киндигирского рода. В Олёкминском районе их осталось не более 800 человек. Это настоящие дети природы, которая для них является живым существом. Ей они истово поклоняются и проводят древние обряды, чтобы умилоствить духов леса и воды.

Это душевный и честный народ, среди которого у меня много друзей и товарищей.

... Была уже глубокая осень. Вокруг простиралось безбрежное море тайги, готовящейся к долгой и морозной зиме. Листья многочисленных берёз и тополей, стоящих стройными рядами вдоль берега, при малейшем дуновении ветерка золотым веером разлетались в разные стороны, устилая акварельным ковром стылую землю. Караваны лебедей и гусей с протяжными прощальными криками покидали свою любимую

сторонущку, чтобы перезимовать на далёком юге.

Ночами уже были заморозки, которые белым серебряным инеем покрывали траву и деревья и бесследно исчезали при первых тёплых лучах солнца.

Среди этого золото-пастельного осеннего наряда и величаво возвышающихся каменистых россыпей как невеста в голубой фате несла свои кристально чистые воды любимая моя река Олёкма. На её многочисленных бело-струйных перекатах резвились шустрые ленки и хариусы. Ниже по течению за бурлящими порогами, неподвижно, как отполированные бревна стояли полчища степенных краснобрюхих красавцев тайменей.

На многочисленных песчаных плёсах лениво ползали по дну, собирая червей и насекомых, смешно шевеля своими длинными усами, огромные с белыми животами и острыми черными шипами на боках и спине, неповоротливые осётры.

Наш охотничий лагерь находился в 20 километрах от метеостанции с загадочным названием «Джикимда», где начальником был Александр Коновровский, мой олёкминский друг детства, с которым мы учились в школе с 5 класса.

... Был уже конец сентября. Брат уехал в Олёкминск, чтобы оставить моторную лодку и затем добраться попутным транспортом до места промысла. Я остался один с двумя собаками-лайками в устье р. Керестях. Поставил сети и стал заниматься заготовкой рыбы, с последующей её засолкой. Рации у меня не было, и через неделю, беспокоясь о брате, я пешком двинулся на метеостанцию, чтобы узнать по связи о Михаиле.

На станции был радушно встречен четой Коновровских — Сашей и Любой, которые по рации сделали запрос в город о моем брате.

В это время на метеостанции начали разворачиваться душещипательные события.

Назавтра после моего прихода, к метеостанции подъехали на 8 ездовых оленях мой однофамилец — эвенк Иван Габышев с женой Анной и маленьким сынишкой Ванькой, которому от роду было не более восьми месяцев.

Мы познакомились. Иван был сухощавым 40-летним мужчиной, среднего роста, спокойным по натуре. Одет он был в выцветшую штормовку из палаточной непромокаемой ткани и в такие же штаны. На ногах были короткие резиновые сапоги. Семья эвенков плохо изъяснялась на русском языке, но хорошо говорила на якутском и поэтому я выступил в роли переводчика.

Выяснилось, что их стадо оленей находится за горным хребтом, в верховьях реки Амги, в 80 км от метеостанции. В бригаде закончились основные продукты: мука, сливочное масло и олениводы отправили Ивана за продуктами в родное село.

Сашу Коноворовского они просили отвезти их на моторной лодке в село Киндигирь, расположенное в 30 км от станции.

Александр тут же без колебания стал готовиться к отъезду. Вскоре моторная лодка с гостями, сделав красивый вираж, устремилась вниз по Олёкма, оставляя за собой небольшие, расходящиеся по сторонам, белые гребешки волн, которые тут же поглощались быстрым течением.

Поздно вечером груженная лодка, с надрывно воющим мотором, вернулась на станцию. Из лодки в весёлом настроении вылезли подвыпившие олениводы, которые первым делом бережно вынесли на берег ящик водки, а только потом остальные продукты. Последним сняли с лодки маленького Ваньку в люльке из берёзовой коры. Мы с Сашей помогли погрузить на оголодавших оленей, которые несколько часов находились привязанными к деревьям, вьюки с продуктами.

Люльку с Ванькой погрузили на старого обученного оленя, который повёз свой живой груз осторожно, ловко обходя стволы деревьев и ветки кустарников.

Иван, поблагодарив нас, сказал, что они сегодня заночуют в палатке, которая ими оставлена в километре от нас и где много корма для оленей, а завтра двинутся дальше в стадо.

... На тёмно-сером небосводе ярко светила луна, освещая своим жёлтым светом засыпающие окрестности. Деревья-исполины своими остроконечными тёмными силуэтами упирались прямо в сонное небо. Изумительная тишина стояла вокруг.

Матушка-природа отдыхала от своих нескончаемых дневных забот.

Мы тепло распрощались с олениводами и вскоре караван неспешно двинулся в сумрачную тайгу. Вдалеке был слышен лишь звон колокольчика, привязанного к шее передового ездового оленя, который медленно удалялся, а потом и вовсе стих.

Мы с Сашей вернулись в помещение станции. На душе была какая-то тихая грусть.

Мысленно представил, как эти трудяги олениводы с маленьким ребёнком бредут по суровой ночной тайге, где в любой момент их может подстеречь опасность.

...Мне не спалось. Почитав книжку о знаменитых полярных путешественниках, я вышел на берег и стал смотреть на переливающуюся в

жёлтом блеске луны реку.

На противоположной стороне стояли охристые вековые скалы, тёмная тень от которых отражалась в воде. Ночное небо выставило на всеобщее обозрение своё гениальное и чудное творение из миллиардов ярких манящих к себе звёзд.

Было морозно, при дыхании изо рта выплывали клубочки пара, мгновенно таявшие в темноте.

Я находился в гармонии с природой и на меня нашло тихое умиротворение...

... И вдруг в этой дивной тишине я услышал далёкий жалостливый прерывистый плач ребёнка. Меня всего пронзил озноб. Я подумал, что ослышался. Прислушался и ясно услышал в той стороне, куда ушёл караван, детский надрывный плач.

Какая-то неведомая сила потащила меня в ту сторону.

Шёл я быстро. Ветки кустарников в темноте больно хлестали меня по щекам, норовя попасть в глаза. Безутешный, берущий за сердце плач, заставил меня бежать.

Вскоре моему взору предстала жуткая картина — возле догорающего костра, прямо на земле храпели муж с женой, рядом валялось несколько пустых бутылок из-под водки. В метре от них в люльке, стоящей на мёрзлой земле, плакал голодный Ванька...

Схватив люльку с ребёнком, я быстрым шагом пошёл к метеостанции. Тащить неудобную люльку было сложно. Как только я ни пытался её нести — и двумя руками, и на своём горбу. Ванька, нужно отдать ему должное, уже не плакал, видимо удивлённый резкими манипуляциями с люлькой, которую сильно «штормило».

Наконец, мой тяжкий путь закончился, и я распахнул двери ставшей мне родной метеостанции и поставил люльку на стол. Ребёнок снова заплакал.

Тут же прибежали заспанные и озабоченные Сашка и Люба. Кратко объяснил им возникшую ситуацию, и Люба на сгущённом молоке стала готовить жиденькую манную кашу. Мы с Сашкой стали думать из чего нам сделать соску, ведь детей на станции не было. Наконец, в кладовке нашли старую резиновую перчатку, от которой отрезали один палец и натянули на бутылочку из-под сиропа.

Вскоре намаявшийся малец, наевшись манки, спокойно спал, мерно посапывая. Мы решили обследовать спящего Ваньку.

... Малыш был одет в комбинезон из шкуры молодого августовского оленя, мехом вовнутрь. Между ног у него была широкая прорезь, чтобы

справлять беспрепятственно свои естественные нужды. Дно люльки было устлано сухим оленьим ягелем, вперемешку с древесной трухой. И колыбель, и Ванька были мокрыми и дурно пахли.

Нагрели воды и обмыли спящего ребёнка. Ванька был крепенького телосложения со смуглой кожицей. На голове были густые черные волосы. Ножки были колесом. Маленький приплюснутый носик и раскосые монголоидные глаза говорили о его эвенкийских генах. Люба достала старую чистую простыню, в неё мы завернули мальчика. Мокрыю одежду повесили сушиться у печки.

Ночь прошла в заботах о Ваньке. Мы боялись, что он может заболеть, так как долго мокрый лежал на морозе. К счастью этого не произошло.

... Сашка рассказал нам о своей поездке с оленеводами в Киндигирь. На обратном пути Анна, жена Ивана, попросила его остановить лодку у высокого берега. Взяв бутылку водки, они поднялись на обрывистый берег.

В нескольких местах на ровной площадке стояли деревянные кресты и тунгусские идолы. Анна на ломанном русском пояснила Сашке, что всего она родила 8 детей, шестеро из которых умерли в младенческом возрасте до одного года и покоятся здесь. После опорожнения бутылки, она плача навзрыд произнесла роковые слова: **«Пусть лучше ребёнок умрёт маленьким, чем будет мучиться больным и инвалидом. В суровой тайге место только сильным и здоровым».**

Вот тебе Дарвинское учение о выживании видов в действии.

Нет. Я ярый противник данного учения в отношении человеческой расы. Наука и медицина раздвинули границы человеческого сознания и бытия. ***Каждый человек — это Божье создание, и он имеет право на жизнь. А вот какой она будет достойной или рабской — это уже зависит от подготовленности и высокого сознания современного общества людей.***

Назавтра к обеду к нам пришли с ездовым оленем выпившие Иван и Анна. Увидев своего Ваньку живым и здоровым жена недовольно на якутском языке бросила мне: «Зачем ты забрал без нашего разрешения ребенка?» Когда я возмущённо попытался их пристыдить, то получил прямой ответ: «Наш ребёнок, и ты нам не указ!» Взяла Ваньку и тут же стала кормить его своей грудью, молоком вперемешку с водкой.

Вскоре семья эвенков опять исчезла в океане тайги.

... Вечером пошёл большими хлопьями густой снег. Всё вокруг стало белым: и земля, и деревья. Лишь быстрая Олёкма весело несла свои чистые воды к своей матушке Лене, чтобы потом вместе отправиться в

путь к своему дедушке Северному Ледовитому океану.

Вечером пьяный спектакль повторился снова. Вначале мы слышали гортанные эвенкийские песни, которые сменились надрывным плачем **нашего Ваньки.**

Это мы выдержать уже не могли и вместе с Сашкой притащили бедного парнишку на станцию. Опять накормили и переодели. Черные и пытливые глазёнки маленького лесного жителя радостно нам улыбались, чем нас умиляли. Ванька стал нас узнавать и стал нам каким-то родным.

Назавтра опять пришли пьяные родители, но мы им мальчонку не отдали, сказав; «Приходите трезвыми, тогда ребёнка заберёте!»

Утром на четвёртый день, пришли окончательно протрезвев, угрюмые Иван и Анна.

Иван с виноватым видом вновь обратился к Сашке с просьбой, «съездить в село за водкой, без которой его оленеводы просто побьют!» Он пообещал, что они с женой больше пить «горькую» не будут.

Безотказный Сашка, взяв с собой только Ивана, опять рванул в Киндигирь. Вернулись быстро, прошло каких-то всего три часа с собой привезли 20 бутылок водки, которую Иван спрятал сразу в брезентовый мешок.

Этот мешок мы с Сашкой попеременно караулили, чтобы оленеводы опять не ушли в загул. Ведь у коренных малочисленных народов Севера в организме нет иммунитета к спиртному, для них водка — это яд и одновременно наркотик. Поэтому на Аляске и в царской России на Севере существовал сухой закон, который позволил сохранить эти народы.

Пора опять и современной России вернуться к этому правильному закону.

Вдвоём с Иваном мы быстро собрали оленей, которые уйти далеко не могли, так как у них между передних ног был привязан на верёвке «чинкай» — метровое ошкуренное бревно, передний конец которого привязан к шее. Сашка в это время пошёл на рацию, чтобы передать данные погоды. Только стали надевать на оленей вьюки с продуктами, как услышали пьяную ругань Анны, которая на чем свет костерила меня за Ваньку. Пока мы с Иваном собирали оленей, она нашла мешок с водкой и выпила пол-бутылки. Иван отобрал недопитую бутылку, забрал мешок с водкой и навьючил его на оленя. Мы продолжали грузить продукты на животных. Я взял одного ездового оленя и стал его навьючивать.

Вдруг слышу, как Анна по-якутски кричит: **«Я сейчас застрелю этого**

плохого русского». Скосив взгляд, вижу, как она шустро достала из брезентового чехла пятизарядную винтовку и целится в меня.

Реакция моя была мгновенной, я быстро отскочил и встал боком за стволом небольшой лиственницы, которая еле прикрывала моё тело и голову. Как назло, в этом месте Сашка летом заготавливал дрова на зиму и все толстые деревья спилил бензопилой. Так что и укрыться-то мне было негде. Лечь на землю мне не позволяла мужская гордость.

Выстрел не заставил себя ждать. Пуля просвистев, вонзилась в дерево, за которым я стоял, в 15 сантиметрах от моей головы. Нет, я почему-то не испугался, видимо всерьез я не воспринимал выстрел мелкокалиберки. Вслед за этим последовали подряд ещё два выстрела. Пули ложились кучно впереди моей головы, но ствол дерева надёжно защищал меня. Я вынужден был крикнуть Ивану, чтобы он отобрал у жены винтовку.

Иван, невозмутимо продолжая вьючить оленя, крикнул: «Анчик, урай!» (Анна, прекрати!) В ответ в мою сторону раздался ещё один выстрел. Иван, бросив оленя, подошёл к жене и резким движением вырвал у неё из рук тозовку, после чего с невозмутимым видом продолжил навьючивать «учаха».

Обойдя и осмотрев ствол дерева я спокойно и даже с каким-то восхищением про себя отметил, что Анна хороший стрелок — 4 пули кучно сидели в дереве на уровне моей головы на расстоянии 5 см друг от друга. Одну из них, сплюсненную свинцовую пулю, я выковырял своим якутским ножом и положил в карман. Уже позже эту пулю я носил как талисман на своей шее, предварительно привязав её на шёлковый шнурок.

... Вскоре олени были готовы к длительному переходу. Жену и сына Иван погрузил на оленей и сам пешком во главе каравана двинулся в путь. Чтобы Ванька в пути не плакал ему вместо соски дали полусваренный кусок оленьего мяса, нанизанный на длинную острую палочку, поперёк рта, чтобы не подавился. Этот кусок он с удовольствием сосал, пока я провожал их до первого перевала.

Мне было очень жаль это прелестное дитя, которому было суждено выживать в таких суровых условиях. Мысленно я пожелал ему здоровья и счастья. И самое главное выжить, особенно зимой, несмотря ни на что!

С тяжёлым сердцем возвратился я на станцию. А тут пришло одно неприятное известие.

По радиации сообщили, что Михаила в отпуск не отпустили, и мне при-

дется до Нового года охотиться одному. Но это уже совсем другая история.

... Прошло 17 лет... У меня была уже своя любимая семья с моими ненаглядными дочками Таней и Ирой. Я в то время работал в Тикси, когда на мое имя неожиданно зимой пришла телеграмма с приглашением приехать в село Киндигирь, для участия в праздновании 10-летия эвенкийской общины «Чарода».

Я с радостью принял это приглашение.

В очередной раз прилетел в Олёкминск, чтобы встретиться с моей дорогой старенькой ослепшей мамочкой и сестрой.

Здесь нас ждал спецрейс АН-2 на лыжах. Морозы стояли сильные, за 40 градусов. Вскоре мы с олёкминским руководством прилетели в Киндигирь.

... Времени до торжественного собрания в новеньком клубе было предостаточно, и я спросил у управляющего отделения: «А где сейчас оленевод Иван Габышев?» и неожиданно услышал, что он с семьёй живёт в селе, и управляющий, выйдя на улицу, показал мне его добротный дом, расположенный недалеко от клуба.

Дело в том, что с созданием общины на сельском сходе был принят сухой закон и спиртное перестали завозить и люди стали неплохо жить, а село развиваться. Многие построили себе хорошие дома и отправили своих детей получить образование в Якутск.

... Я с какой-то настороженностью и затаив дыхание вошёл в просторный дом Габышевых. Навстречу мне поднялся сухощавый мужчина с седеющими волосами. Это был Иван — мой давнишний знакомый, который тоже меня узнал. Он пригласил меня за стол. Постаревшая Анна приветливо поставила на стол большую чашку с дымящейся и вкусно пахнущей олениной.

С замиранием сердца я спросил: «А где Ванька, которого мы нянчили на метеостанции в Джикимде?».

У меня прямо отлегло, когда сказали: «Он на улице заготавливает лёд для питья, сейчас придёт!»

Пока пили чай, неторопливо разговаривая об оленеводстве и охоте, дверь из толстых листовенных плах резко отворилась и на пороге появился шустрый молодой человек с красным лицом. Несмотря на жуткий мороз одет он был легко. На голое тело была надета ватная стёганная телогрейка, на которой не было ни одной пуговицы, перепоясанная выдавшим виды солдатским ремнём. Раскрасневшаяся от мороза грудь была открытой.

По лучистым и озорным монголовидным глазам я узнал того маленького Ваньку. На кривых ногах его красовались потёртые кирзовые сапоги с загнутыми голяшками, практически не греющие на морозе. На голове набекрень болталась шапка с завязанными наверху ушами. Рукавиц не было вообще.

Посмотрев на его красные, пышущие жаром руки, я не утерпел и спросил по-якутски: «Ты почему, Ваня, не бережёшь себя, в такой мороз ходишь в лёгкой одежде, работаешь без рукавиц? И что совсем не замёрз?» На что он утвердительно озорно кивнул.

Тут его отец познакомил его со мной, сказав: «Вот Ваня, познакомься с Николаем Николаевичем, который когда ты был совсем маленьким, водился с тобой на Джикимде.»

Юноша недоверчиво посмотрел на меня и улыбнулся своей искренней доброй улыбкой. Это был уже потомственный оленевод и хороший охотник, который с ранних лет с матерью и отцом постиг трудную и необходимую для таёжника науку жить в гармонии с природой и с самим собой. Я от души порадовался за него. Сходил вместе с ним в сельповский магазин и купил ему памятный сувенир.

Душа моя успокоилась, и я был несказанно рад, что наш маленькиймышлёный Ванька выжил в таких трудных таёжных условиях, постоянных перекочёвок зимой при минус 50 градусов, проливных осенних дождях и вырос хорошим честным, любящим природу и людей человеком.

Сейчас думаю у него уже своя семья и он также пасёт своих оленей в верховьях Амги, в красивейших местах нашей России! Сейчас он уже — уважаемый, Габышев Иван Иванович!

Дай БОГ ему и его семье благополучия, здоровья и удачи!

Н.Н. Габышев

Октябрь 2013 г.

Санкт-Петербург